

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2926](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2926)

К. С. Григорьева

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С. Изменения в процессах секьюритизации миграции в контексте российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 199—220. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2926>.

For citation:

Grigoreva K. S. (2025) Changes in the Securitization of Migration in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 199–220. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2926>. (In Russ.)

Получено: 03.03.2025. Принято к публикации: 10.09.2025.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Аннотация. В последние три года процесс секьюритизации миграции, начавшийся в России во второй половине 1990-х годов, существенно ускорился. Позиционирование миграции как проблемы безопасности приобрело новые оттенки и смыслы. Если раньше мигрантов обвиняли в нежелании следовать правилам и нормам принимающего общества, повышенной склонности к совершению преступлений общеуголовной и террористической направленности, то после начала вооруженного конфликта с Украиной к этому прибавились подозрения в политической неблагонадежности. В публичных дискурсах начали звучать тезисы о том, что мигранты составляют «пятую колонну». Вместе с тем иностранных граждан и особенно лиц с миграционным бэкграундом впервые в новейшей истории России стали рассматривать как значимый ресурс пополнения армии. Последнее привело к значительной либерализации миграционного законодательства и десекуритизации в отношении иностранцев, заключивших контракты с Минобороны России, а также членов их семей, особенно заметной на фоне стремительного ужесточения правил игры для мигрантов других категорий и «новых граждан». Данная статья посвящена анализу указанных трансформаций. В работе использован новый методологический подход, разработанный на основании синтеза Копенгагенской и Парижской школ теории секьюритизации с использованием кон-

CHANGES IN THE SECURITIZATION OF MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

Kseniya S. GRIGOREVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher*
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. In the last three years, the process of securitization of migration, which began in Russia in the second half of the 1990s, has significantly accelerated. The positioning of migration as a security problem has acquired new shades and meanings. Whereas previously migrants were suspected of an increased propensity to commit crimes of general criminal and terrorist orientation, after the outbreak of the armed conflict with Ukraine, suspicions of political unreliability were added. The thesis that migrants constitute a “fifth column” began to be heard in public discourse. At the same time, for the first time in Russia’s modern history, foreign citizens and, especially, persons with a migration background began to be seen as a significant resource for replenishing the army. The latter led to a significant liberalization of migration legislation regarding foreigners contracted by the Russian Ministry of Defense, especially noticeable against the background of a rapid tightening of the rules of the game for migrants of other categories and “new citizens”. This article is devoted to analyzing these transformations. The paper uses a new methodological approach developed based on the synthesis of the Copenhagen and Paris schools of securitization theory using P. Bourdieu’s concept of symbolic power, which allows us to study securitizing discourses and practices in their organic relationship. Based on the study of first-order performatives (legal acts), as well as discourses and practices associated with their creation, promotion, and execution, new, previously un-

цепции П. Бурдые о символической власти, который позволяет исследовать секьюритизирующие дискурсы и практики в их органической взаимосвязи. На основании изучения перформативов первого порядка (нормативно-правовых актов), а также дискурсов и практик, связанных с их созданием, продвижением и исполнением, проанализированы новые, ранее не исследованные, направления секьюритизации миграции в России.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, перформативные дискурсы, секьюритизирующие практики, секьюритизация миграции, лица с миграционным фоном

explored directions of migration securitization in Russia are analyzed.

Keywords: armed conflict, performative discourses, securitization practices, securitization of migration, people with a migration background

Восприятие миграции как угрозы не новое явление. На Западе оно распространилось значительно раньше, чем в России¹, и было обусловлено кризисом государства всеобщего благосостояния, ослаблением ощущаемой опасности со стороны СССР, оседанием мигрантов в принимающих странах, повышением их «видимости» для местного населения [Huysmans, 2000; Rudolph, 2003].

После краха биполярного мира концепция безопасности была расширена: в перечень основных угроз вошли экономические, экологические и социальные риски. Миграция довольно быстро была признана ключевой угрозой в социальном секторе. Предполагалось, что миграционные процессы ведут к размыванию коллективных идентичностей принимающих обществ и замещению местного населения пришлым [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 121], а после 11 сентября 2001 г. к этому прибавилось представление о миграции как об источнике террористической угрозы [Rudolph, 2003; Karyotis, 2007].

Перечисленные опасения были восприняты и в России, где за два десятилетия после распада Советского Союза сложился устойчивый комплекс негативных представлений о миграции. Общим местом в публичных дискурсах стали обвинения мигрантов в несоблюдении норм и традиций принимающего общества, недобросовестной конкуренции, некачественном выполнении работ и услуг, повышенной склонности к совершению правонарушений, участию в террористической деятельности. Фенотипически избирательные полицейские облавы и проверки документов превратились в рутинный непроблематизируемый спектакль, который местные жители могли регулярно наблюдать вблизи транспортных узлов, мест проживания и работы представителей «видимых меньшинств», предположительно имевших статус мигрантов.

¹ К. Рудольф датирует начало этого процесса в Великобритании рубежом 1950—1960-х годов, а в Германии и Франции — концом 1960-х годов [Rudolph, 2003]. Согласно более распространенной точке зрения, политизация миграции началась в Европе в 1970-х годах [Huysmans, 2000; Karyotis, 2007].

Начало российско-украинского вооруженного конфликта повлекло за собой значимые изменения в устоявшемся конгломерате дискурсов и практик в отношении иностранцев и лиц с миграционным бэкграундом, которые пока остаются неизученными отечественными специалистами в области миграции. Настоящая статья — первый шаг к заполнению данной лакуны.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретико-методологической основой работы служит теория секьюритизации. В классической трактовке Копенгагенской школы (основоположники — Барри Бьюзен, Оле Вейвер и Яап де Вайльд [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998]) секьюритизация рассматривается как перформативный речевой акт², нацеленный на выведение того или иного вопроса, связанного с безопасностью, за рамки «нормальной политики»³. Неважно при этом, реальна ли декларируемая опасность. Секьюритизация способна превратить любую проблему в экзистенциальную угрозу.

Сама безопасность в рамках теории секьюритизации понимается как рискованная самореферентная практика, «стабилизирующая конфликтные или угрожающие отношения, часто через чрезвычайную мобилизацию государства» [ibid.: 4].

Ключевыми концептами классического варианта теории секьюритизации являются:

- «референтный объект» — то, что необходимо защитить от опасности;
- «секьюритизирующий субъект» — актор, отстаивающий идею об экзистенциальной угрозе референтному объекту;
- «аудитория» — тот или те, кого необходимо убедить в существовании угрозы, чтобы секьюритизация состоялась⁴.

Представители Копенгагенской школы полагают, что изучать секьюритизацию нужно посредством анализа дискурсов и политических констелляций. При этом выявление секьюритизирующих речевых актов производится через анализ риторической структуры высказываний. Для секьюритизирующего дискурса, согласно сторонникам копенгагенского подхода, характерно декларирование высокой срочности, необходимости действовать, а не рассуждать, во избежание непоправимых последствий. Ключевым исследовательским вопросом представители Копенгагенской школы считают вопрос о том, когда дискурс с упомянутой риторической структурой достигнет достаточного эффекта, чтобы заставить аудиторию мириться с нарушением правил, которые прежде соблюдались [Buzan et al., 1998: 25].

Несмотря на то что теория секьюритизации быстро завоевала популярность и стала доминирующим направлением исследований в области безопасности, с момента своего появления она подвергалась активному критическому переосмыслению. Можно выделить по крайней мере два направления, в которых развивались дебаты: 1) споры об основном объекте изучения (секьюритизирующие

² То есть речевой акт, равный действию.

³ Под «нормальной политикой» в теории секьюритизации понимается соблюдение обычных правил политической игры, нарушение которых может быть вызвано только чрезвычайной ситуацией [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 24].

⁴ Wæver O. Securitisation: Taking stock of a research programme in Security Studies. Unpublished manuscript. *DOCPLAYER*. 2003. P. 11—12. URL: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (дата обращения: 08.06.2021).

дискурсы или практики); 2) дискуссии о перформативности и интересубъективности секьюритизирующего речевого акта.

На сегодняшний день основную конкуренцию Копенгагенской школе составляет Парижская школа (основатель Дидье Биго). Хотя ее сторонники разделяют основополагающую идею копенгагенцев о том, что безопасность является негативным ярлыком, использование которого зачастую ведет к избыточному применению силы и нарушению конвенциональных политических правил [Bigo, McCluskey, 2018], они полагают, что изучать следует прежде всего секьюритизирующие практики, а не дискурсы. Представители Парижской школы убеждены: главными секьюритизирующими субъектами выступают не политики (как полагают сторонники копенгагенского подхода), а так называемые профессионалы безопасности (сотрудники полиции, вооруженных сил, таможи, пограничной службы, разведывательных структур, частных компаний, специализирующихся на вопросах безопасности).

Попытки разработать синтетический подход к исследованию секьюритизации, который позволил бы одновременно анализировать и дискурсы, и практики [Bourbeau, 2014; Trombetta, 2014]), пока не дал значимых результатов. Проблема, по-видимому, заключается в устоявшихся подходах к исследованию указанных объектов: если под дискурсами принято понимать публичные заявления политиков, то в качестве практик, как правило, рассматривается рутинная деятельность силовых структур. В итоге дискурсы и практики почти не имеют точек соприкосновения, поскольку осуществляются разными акторами в разных социальных полях и следуют разным логикам (которые Фредерик Бурбо удачно охарактеризовал как «логику исключения» и «логику рутины» [Bourbeau, 2014]).

Другим предметом теоретической дискуссии является тезис Оле Вейвера о перформативности секьюритизирующих дискурсов. Позаимствованный из теории Джона Остина [Austin, 1962], этот тезис предполагает, что секьюритизирующий речевой акт не описывает проблему безопасности, а создает ее⁵. Данное утверждение позволило критикам заявить, что копенгагенский подход придает секьюритизирующим дискурсам «магическую эффективность» [Balzacq, 2005: 177], что вступает в противоречие с указанием на важность реакции аудитории, то есть интересубъективным характером секьюритизации, и приводит к игнорированию социально-политического контекста, в котором она происходит [Balzacq, 2005; Stritzel, 2007; McDonald, 2008; Roe, 2008; Côté, 2016].

На наш взгляд, большую часть перечисленных противоречий можно разрешить, используя концепцию Пьера Бурдьё о символической власти [Bourdieu, 1991]. Созданная в полемике с представителями постмодернистской и постструктуралистской лингвистической парадигмы, она вносит несколько важных корректив в понятие перформатива.

Указывая на чрезмерное внимание к грамматической структуре перформативных высказываний, П. Бурдьё подчеркивает, что успешность попытки преобразовать мир при помощи слов лишь в очень незначительной степени зависит от пра-

⁵ Wæver O. Securitisation: Taking stock of a research programme in Security Studies. Unpublished manuscript. *DOCPLAYER*. 2003. P. 11—12. URL: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (дата обращения: 08.06.2021).

вильности построения предложений. Гораздо большее значение имеет то, какую позицию в социальном поле занимает говорящий. Социальная магия перформатива зиждется не на соблюдении грамматической конструкции или особой риторической структуры, а на обладании символическим капиталом. Последний распределен в обществе неравномерно. Его наивысшая концентрация наблюдается в поле политики, где сравнительно небольшая группа профессионалов имеет доступ к инструментам политического производства, недоступным для всех остальных. Вместе с тем возможности профессионалов политики ограничены текущим состоянием политической игры и являются продуктом истории политического поля. Таким образом, перформатив, с одной стороны, действительно имеет магическую эффективность и способен преобразовывать реальность (в том числе создавать проблемы безопасности при помощи слов), а с другой стороны, не автономен от социальных отношений (то есть интерсубъективен и зависит от текущего социально-политического контекста).

Концепция П. Бурдьё позволяет также преодолеть разрыв между секьюритизирующими дискурсами и практиками. В работе «Язык и символическая власть» отмечается, что предельным случаем перформативного высказывания является правовой акт [ibid.: 75]. Будучи принят уполномоченным лицом, такой акт устанавливает новый принцип законного видения, тем самым преобразуя социальный мир. Переместив фокус внимания с исследования выступлений политиков в СМИ и рутинной деятельности профессионалов безопасности на (де)секьюритизирующие нормативно-правовые акты, а также дискурсы и практики, связанные с их созданием и продвижением, можно устранить искусственно установленную границу между изучением речевых актов и практик, анализируя их в органической взаимосвязи.

Таким образом, не претендуя на радикальное переосмысление теории секьюритизации, в данном исследовании мы изменим традиционную оптику рассмотрения секьюритизирующих процессов, чтобы сосредоточиться на нормативно-правовых актах (будем называть их перформативами первого порядка) и связанных с ними дискурсах и практиках. Мы также откажемся от детального анализа риторической структуры секьюритизирующих высказываний, разделяя тезис П. Бурдьё о том, что ключевое значение имеет не внутренняя лингвистическая логика речевого акта, а стоящая за ним символическая власть.

В качестве основных акторов (де)секьюритизации мы будем рассматривать тех, кто социально уполномочен инициировать, создавать и воплощать секьюритизирующие перформативы первого порядка: президента РФ, депутатов Государственной Думы РФ, профессионалов безопасности и бюрократического поля.

В качестве эмпирической базы исследования выступают:

— Законопроекты, законы и указы в области регулирования миграции, принятые в связи с вооруженным конфликтом с Украиной. Поиск релевантных НПА осуществлялся в БД «Гарант» и на портале «Система обеспечения законодательной деятельности» (<https://sozd.duma.gov.ru>). Всего обнаружено три федеральных закона, шесть президентских указов и два законопроекта.

— (Де)секьюритизирующие дискурсы о мигрантах в телеграм-каналах депутатов Государственной Думы из числа авторов указанных законопроектов и законов.

Произведен анализ телеграм-каналов М. Н. Матвеева (t.me/matveevkomment), А. К. Лугового (t.me/lugoboyandrey), С. М. Миронова (t.me/mironovonline), В. В. Володина (t.me/vv_volodin), А. М. Бабакова (t.me/kursRF), В. А. Даванкова (t.me/davankov), Д. Ф. Вяткина (t.me/VyatkinDF), А. Е. Хинштейна (t.me/Hinshtein), А. В. Картаполова (t.me/pravda_oborona), В. И. Пискарева (t.me/vasilii_piskarev), Г. А. Зюганова (t.me/zyuganov) и Л. Э. Слуцкого (t.me/slutsky_l). Поиск постов осуществлялся по ключевому слову «мигранты», всего проанализировано 73 поста.

— Дискурсы профессионалов безопасности — инициаторов секьюритизирующих практик в отношении мигрантов и «новых граждан»⁶ (проанализированы телеграм-каналы руководителя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина (t.me/bastrykin) и председателя Национального антикоррупционного комитета РФ К. В. Кабанова (t.me/kabanovkv). Отбор постов также производился по ключевому слову «мигранты», исследовано 79 постов. Дополнительно были проанализированы некоторые заявления указанных спикеров в СМИ (всего 11 заявлений).

— Отчеты и методические материалы, размещенные на сайтах органов государственной власти, сообщения официальных лиц в СМИ о проведении разнообразной работы с иностранными гражданами и лицами с миграционным бэкграундом в контексте российско-украинского конфликта: пять памяток / информационных материалов для иностранных граждан о возможности заключения контракта на прохождение военной службы в ВС РФ; семь буклетов на родных языках мигрантов из среднеазиатских государств; три агитационных ролика на таджикском, кыргызском и узбекском языках; девять сообщений в СМИ о работе, проводимой с иностранцами в Волгограде, Сургуте, Киреевском районе Тульской области, Санкт-Петербурге, Москве и Республике Дагестан; два постановления об утверждении плана и графика отбора граждан на военную службу по контракту в Ударненском городском поселении Прикубанского района КЧР и в Чибилинском сельском поселении Улаганского района Республики Алтай;

— Сообщения и отчеты об облавах на «новых граждан» и лишении приобретенного гражданства на основании непостановки на воинский учет. Поиск указанных сообщений и отчетов производился на региональных сайтах МВД РФ по ключевым словам «воинский учет», «военкомат», «военный комиссариат», исследовано 305 сообщений.

Секьюритизация миграции в России

Несмотря на то что теория секьюритизации активно используется в зарубежных исследованиях миграции, российские ученые применяют эту теоретическую рамку в своих работах относительно редко. Поиск в электронной научной библиотеке ELIBRARY.ru по словосочетанию «секьюритизация миграции» в названиях, ключевых словах и аннотациях публикаций дает лишь 56 релевантных работ. При этом 37 из них посвящены вопросам секьюритизации миграции в зарубежных государствах (чаще всего странах ЕС и США), тогда как российский кейс анализируется только в 13 работах⁷, в шести из которых понятие «секьюритизация»

⁶ «Новые граждане» — лица с приобретенным российским гражданством.

⁷ Еще шесть публикаций имеют обзорный или теоретический характер.

тракуется некорректно. Авторы последних публикаций полагают, что секьюритизация подразумевает выявление объективной угрозы, исходящей от миграции и мигрантов, и необходимость выработки срочных мер борьбы с ней (см., к примеру, [Питухина, 2014; Смирнов, 2015; Фролов, 2016; Аршин, 2019]). Для этих же авторов характерна согласованная позиция по вопросу о том, когда в России начался процесс секьюритизации миграции: они связывают его с президентским Указом от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» и посланием Президента РФ Федеральному Собранию 2013 г. [Смирнов, 2015: 146; Фролов, 2016: 29; Аршин, 2019: 41; Питухина, 2014: 278]. На наш взгляд, это положение ошибочно: секьюритизация миграции в России началась десятилетием раньше.

По мнению исследователей российской миграционной политики, миграционный режим России благоприятствовал переселенцам лишь в первые постсоветские годы, когда в миграционных потоках преобладали вынужденные русскоязычные мигранты, отношение к которым было благожелательным [Мукомель, 2005; Light, 2017; Chudinovskikh, Kharaeva, 2020]. Однако уже с середины 1990-х годов, после того как массовая вынужденная миграция сменилась трудовой, среди приезжих выросла доля «видимых меньшинств» и началась русско-чеченская война, ситуация изменилась — игроки политического и бюрократического поля, а также представители силовых структур стали связывать миграцию (как внутреннюю, так и внешнюю) с угрозами безопасности.

Данная тенденция усилилась в связи с терактом 11 сентября 2001 г. Непродолжительное время спустя либеральный проект Концепции государственной миграционной политики РФ, провозглашавший своей целью «реализацию интеллектуального и трудового потенциала мигрантов» [Мукомель, 2005: 33], был отклонен. Его сменила Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, декларировавшая связь миграции с ухудшением криминогенной обстановки и террористической угрозой⁸. Секьюритизирующие дискурсы и практики, производимые политиками, чиновниками и профессионалами безопасности, нацеленные на мигрантов, имели отчетливый этнонациональный оттенок: хотя федеральные нормативно-правовые акты умалчивали о происхождении «опасных» иностранцев, на региональном уровне и на уровне практических мер (полицейских облав, проверок документов, профилактических бесед и др.) была очевидна нацеленность на уроженцев стран Средней Азии и Закавказья [Григорьева, 2019].

В 2002 г. Федеральная миграционная служба (ФМС), первоначально находившаяся в подчинении Министерства труда и занятости РФ, была переведена в ведение Министерства внутренних дел России, что обозначило решительный поворот к позиционированию миграции как угрозы безопасности.

Представления о том, что миграция повышает уровень преступности и несет в себе террористические риски, с начала 2000-х годов дополнились рассмотрением ее в качестве социокультурной угрозы. Так, в 2005 г. среди основных угроз национальной безопасности россияне называли опасность заселения страны

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-п «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-01032003-n-256-r/> (дата обращения: 02.03.2025).

инокультурным населением⁹, причем в 2013 г. эта угроза вышла на первое место в рейтинге главных страхов российских респондентов¹⁰. Широко распространилось мнение, согласно которому мигранты являются источником преступности и коррупции, нежелательной конкуренции на рынке труда¹¹. Несомненно, значимый вклад в формирование данных представлений внесли широко распространенные секьюритизирующие дискурсы и практики в отношении мигрантов, принадлежащих к «видимым меньшинствам» [Милиция и этнические мигранты..., 2011; Григорьева, 2017].

В миграционной политике в это время продолжал преобладать полицейский подход¹², логичным результатом которого стало упразднение ФМС России в 2016 г. с последующей передачей ее функций в МВД РФ.

Стимулом к новому витку секьюритизации миграции послужил теракт в петербургском метро 2017 г. Уже через неделю после него директор ФСБ России заявил, что основной костяк террористических групп в стране составляют мигранты из стран СНГ¹³. В Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 гг., утвержденном в декабре 2018 г., иностранные граждане, прибывшие с целью работы и обучения «из стран с повышенной террористической активностью»¹⁴, были отнесены к лицам, подверженным идеологии терроризма, а также подпавшим под ее влияние¹⁵.

Начавшийся в 2022 г. вооруженный конфликт с Украиной резко интенсифицировал озабоченность вопросами национальной безопасности. Подозрения в отношении иностранцев и «новых граждан» укрепились и приобрели новые коннотации, а процесс секьюритизации миграции, и без того постоянно усиливавшийся, совершил впечатляющий скачок.

Перформативные дискурсы в контексте вооруженного конфликта с Украиной

Уже в сентябре 2022 г., когда вооруженные силы РФ стали испытывать кадровый голод и было принято решение о проведении частичной мобилизации, иностранцы начали рассматриваться в качестве потенциального ресурса пополнения Российской армии. Так, 19 сентября 2022 г. депутаты Государственной Думы¹⁶ предложили неожиданную поправку к законопроекту № 1188754-7, посвященно-

⁹ Чего боятся наши соотечественники // ВЦИОМ. 2005. 16 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chego-boyatsya-nashi-sootchestvenniki> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁰ Рейтинг национальных угроз-2013 // ВЦИОМ. 2013. 22 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-nacziionalnykh-ugroz-2013> (дата обращения: 02.03.2025).

¹¹ Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? // ВЦИОМ. 2013. 1 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred-dlya-strany> (дата обращения: 02.03.2025).

¹² Malakhov V., Simon M. The Political Economy of Russian Migration Politics. Preprints. 2016. URL: <https://www.preprints.org/manuscript/201609.0058/v1/download> (дата обращения: 02.03.2025).

¹³ Бортников рассказал о составе террористических групп на территории России // РИА Новости. 2017. 11 апреля. URL: <https://ria.ru/20170411/1491977017.html> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁴ В большинстве документов, где указанные страны перечислялись, речь шла о среднеазиатских государствах.

¹⁵ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 гг. Утвержден Президентом РФ 28 декабря 2018 г. № Пр-2665. 2018. С. 2. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727380376> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁶ Д. Ф. Вяткин, В. И. Пискарев, А. В. Картаполов, Л. Э. Слуцкий, Э. А. Валеев, О. А. Нилов, В. А. Даванков и Н. В. Коломейцев.

му пожарной безопасности. Согласно данной поправке, иностранные граждане, заключившие контракт с ВС РФ, другими войсками или воинскими формированиями России на срок не менее одного года, имеют право обратиться с заявлениями о приеме в российское гражданство в упрощенном порядке. Поправка была одобрена, а закон принят и опубликован 24 сентября 2022 г.

Неделю спустя последовал Указ Президента РФ сходного содержания под № 690 «О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан, заключивших контракты о прохождении военной службы, и членов их семей»¹⁷.

На фоне последовательного ужесточения миграционной политики, происходившего с 2020 г., когда, согласно поручениям президента, стали разрабатываться меры по экспоненциальному повышению контроля над мигрантами (создание цифрового профиля иностранного гражданина, введение режима контролируемого пребывания и др.), перечисленные перформативы имели либерализующий и десекуритизирующий эффект в отношении вышеупомянутой категории иностранцев — тех, кто заключил контракт на прохождение военной службы.

Одновременно с этим в публичном поле зазвучали предложения об обязательном привлечении к прохождению срочной службы в России лиц с миграционным бэкграундом и о лишении гражданства «новых россиян», а также членов их семей, в случае непостановки на воинский учет и уклонения от несения воинской обязанности.

Первыми с указанной инициативой выступили профессионалы безопасности: 22 сентября 2022 г. вышеупомянутые предложения были озвучены председателем Национального антикоррупционного комитета РФ и членом Совета по правам человека Кириллом Кабановым¹⁸, а 13 января 2023 г. сходное предложение прозвучало от главы Следственного комитета России Александра Бастрыкина, заявившего о целесообразности привлечения на фронт лиц с приобретенным российским гражданством в приоритетном порядке¹⁹. Оба спикера при этом продвигали аргумент о том, что натурализованные иностранцы, особенно уроженцы Средней Азии и Закавказья, в большинстве своем являются уклонистами. В частности, по словам К. Кабанова, «Новые граждане России, выходцы из стран Центральной Азии и Закавказья, массово не встают на воинский учет и тем самым уклоняются от исполнения воинской обязанности. Фактически плюют на нашу страну и наши законы, включая Основной»²⁰.

Лишение приобретенного гражданства за административное правонарушение, причем не только самого нарушителя, но и членов его семьи, как и приоритетная отправка на фронт на основании факта натурализации, очевидно, выходят за рам-

¹⁷ Впоследствии данный указ неоднократно дополнялся: 15 мая 2023 г. был издан Указ Президента РФ № 350 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 690 „О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы“», а 4 января 2024 г. последовал новый президентский указ № 10 «О приеме в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях, и членов их семей».

¹⁸ Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/923> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁹ Козлова Н. Александр Бастрыкин в интервью «РГ» — о раскрытии краж военного снаряжения, призыве в армию новых граждан РФ и полной конфискации имущества коррупционеров // Российская газета. 2023. 13 января. № 8951. URL: <https://rg.ru/2023/01/13/vot-takie-dela.html> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁰ Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1702> (дата обращения: 02.03.2025).

ки «нормальной политики». Экспрессивность высказываний, ссылки на военное время, подразумевающие экзистенциальную угрозу российской государственности, соответствуют классической риторической форме секьюритизирующего речевого акта. Формулировки, к которым прибегают секьюритизирующие субъекты: «готовим предложения» (К. Кабанов), «целесообразно рассмотреть вопрос» (А. Бастрыкин), — указывают на то, что основной аудиторией, к которой обращены упомянутые секьюритизирующие дискурсы, выступают игроки политического поля, уполномоченные создавать нормативные акты (перформативы первого порядка). Вместе с тем тот факт, что секьюритизирующие заявления были сделаны на площадках, обладающих высоким уровнем публичности (СМИ, телеграм-канал), свидетельствует также о стремлении получить широкую общественную поддержку.

Содержательно аргумент об уклонизме лиц с приобретенным гражданством обладал высоким уровнем новизны и имел сильную связь с текущим политическим контекстом, что привлекло к нему значительное внимание. В начале мая 2023 г. он был подхвачен первым игроком политического поля — депутатом Государственной Думы от КПРФ Михаилом Матвеевым, разместившим в своем телеграм-канале пост, начинавшийся с вопроса: «Где у нас таджикские батальоны?» Подчеркивая необходимость постановки на воинский учет «новых граждан» и их более активной мобилизации, М. Матвеев постулировал, что властям следует коренным образом изменить подходы к миграционной и демографической проблеме, сломать «паразитирующую психологию» лиц с миграционным бэкграундом, иначе «мы скоро можем получить в нашем тылу настоящую пятую колонну, враждебную российской государственности»²¹. Ранее со сходными заявлениями выступали упоминавшиеся выше К. Кабанов²² и А. Бастрыкин²³.

Как и в случае с уже рассмотренными секьюритизирующими высказываниями, пост М. Матвеева содержал все классические признаки секьюритизирующего речевого акта: декларировал наличие экзистенциальной угрозы референтному объекту (российской государственности), постулировал необходимость срочно действовать, а не рассуждать (иначе будет поздно), требовал изменения действующих норм.

При этом, будучи парламентарием, М. Матвеев обладал достаточным объемом символического капитала для создания соответствующего законопроекта. 28 августа 2023 г. он внес в Государственную Думу проект закона, согласно которому непостановка на воинский учет должна была стать основанием для лишения гражданства натурализованного иностранца с последующим выдворением в страну происхождения.

Чтобы данный секьюритизирующий шаг оказался успешен, необходимо было получить поддержку нескольких аудиторий: парламента, правительства, профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации. Однако на данном этапе развития секьюритизирующего дискурса этого не произошло: законопроект получил отрицательные отзывы всех перечисленных акторов и в итоге был откло-

²¹ Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/4842> (дата обращения: 02.03.2025).

²² Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1255> (дата обращения: 02.03.2025).

²³ См., например: Иванова О. Бастрыкин упомянул жалобы об атакующих российские тылы мигрантах // Взгляд. 2023. 11 мая. URL: <https://vz.ru/news/2023/5/11/1211484.html> (дата обращения: 02.03.2025).

нен. Тем не менее дискуссия об уклонизме и политической неблагонадежности «новых граждан» и мигрантов продолжала развиваться в СМИ и телеграм-каналах.

Вскоре в перечень ключевых сюжетов, обсуждаемых секьюритизирующими субъектами, вошли геополитические вопросы, что еще определеннее указывало на смещение акцентов с социального сектора (где референтным объектом является коллективная идентичность) в более классический военный сектор (где в качестве референтного объекта выступает государство) (см. [Buzan et al. 1998: 49]). В частности, много внимания уделялось встречам глав среднеазиатских республик с лидерами других иностранных государств, трактованным как проявление враждебности по отношению к России²⁴. Неоднократно высказывались опасения о том, что мигрантов и лиц с миграционным бэкграундом используют в антироссийских целях американские и английские спецслужбы, Украина, Азербайджан²⁵, Турция²⁶ и другие геополитические игроки.

В апреле 2024 г. к уже упоминавшимся спикерам присоединился еще один актер политического поля — депутат Государственной Думы, руководитель фракции «Справедливая Россия» Сергей Миронов. В посте под названием «Настало время разобраться в том, как Великобритания вмешивается в миграционные процессы у нас!» он утверждал, что «миграция стала настоящей миной замедленного действия под фундаментом [российской] государственности». Чтобы устранить эту угрозу депутат требовал «отменить безвизовый режим, пересмотреть патентную систему, заморозить массовую паспортизацию»²⁷. Иначе говоря, как и в случае с рассмотренными ранее секьюритизирующими речевыми актами, в посте депутата можно обнаружить все элементы классической риторической структуры секьюритизирующего дискурса: постулирование экзистенциальной угрозы референтному объекту (в качестве которого вновь выступает российская государственность) и срочная необходимость экстраординарных мер.

Наконец, в декабре 2024 г. ряды субъектов секьюритизации пополнил депутат третьей парламентской фракции — ЛДПР, первый заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Андрей Луговой, который заявил, что «западные спецслужбы используют миграцию для решения задачи по дестабилизации России». По словам депутата, МИ-6 и ЦРУ разработали программу «Стратегия деколонизации России», «одной из задач которой является провокация национальных конфликтов, вплоть до восстания мигрантов». Под воздействием агентов влияния мигрантские сообщества должны были «выстрелить» и стать угрозой национальной безопасности России. Для предотвращения подобного развития событий необходимо «запустить национальный проект по сбору данных о фактах проявления русофобии и правонарушений со стороны мигрантов», чтобы затем, на основании анализа этих данных, «выработать продуктивные решения на высшем уровне»²⁸.

²⁴ Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/4848> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁵ См., например, Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/5354%20> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁶ См., например, Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1819> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁷ Сергей Миронов // Telegram. URL: <https://t.me/mironovonline/9831> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁸ Андрей Луговой // Telegram. URL: <https://t.me/lugovoyandrey/3705> (дата обращения: 02.03.2025).

Таким образом, к концу 2024 г. обновленный секьюритизирующий дискурс о миграции и мигрантах как об угрозе государственной безопасности, поддержали представители большинства парламентских партий: КПРФ, СР и ЛДПР. И хотя более традиционные обвинения в неуважении норм и традиций принимающего общества, склонности к правонарушениям, создании повышенной нагрузки на бюджет за счет претензий на выплаты и льготы, предназначенные местным жителям, повышении конкуренции на рынке труда, удешевлении труда за счет готовности работать за сниженную заработную плату по-прежнему продолжают воспроизводиться, в том числе перечисленными спикерами, позиционирование мигрантов в качестве «угрозы российской государственности» благодаря своей новизне и актуальности находится в авангарде секьюритизирующих дискурсов о миграции.

В конце июля 2024 г. в Государственную Думу был внесен очередной законопроект о лишении гражданства лиц с миграционным бэкграундом за непостановку на воинский учет. На этот раз в качестве секьюритизирующих субъектов выступила большая группа депутатов, включая уже упоминавшихся авторов обновленных секьюритизирующих дискурсов М. Матвеева, С. Миронова и А. Лугового. В отличие от законопроекта, предложенного годом ранее, данная законодательная инициатива получила положительные отзывы от профильных комитетов Государственной Думы, правового управления Аппарата Совета Федерации, комитетов Совфеда по обороне и безопасности, международных делам, конституционному законодательству и государственному строительству. В итоге закон был принят уже 8 августа того же года, что обозначило успех нового направления секьюритизации миграции: секьюритизирующим субъектам удалось убедить аудиторию в весомости своих аргументов и добиться принятия мер, выходящих за рамки нормальной политики, в отношении «новых граждан»²⁹.

Интересно при этом, что те же игроки политического поля, которые выступали субъектами секьюритизации, предприняли целенаправленные шаги по десекуритизации мигрантов, проявивших готовность заключить контракт на военную службу и отправиться в зону вооруженного конфликта. Так, М. Матвеев уже в первых постах об уклонении «новых граждан» от военной службы заявлял: есть «примеры тех ребят из Средней Азии, которые сейчас на фронте <...> честь им и хвала»³⁰. В декабре 2024 г. совместно с С. Обуховым³¹ он представил законопроект № 795722-8, предусматривающий запрет на депортацию «иностранцев граждан и лиц без гражданства, которые являются, либо являлись участниками специальной военной операции, и членов их семей»³². Пояснительная записка объясняла проектируемую новацию тем, что в случае депортации таким иностранным гражданам может грозить уголовное преследование на родине.

²⁹ Хотя возможность прекращения приобретенного гражданства уже была предусмотрена действующим законодательством, административное правонарушение (непостановка на воинский учет) впервые вошло в число возможных оснований для применения такой меры.

³⁰ Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/4842> (дата обращения: 02.03.2025).

³¹ Депутат Государственной Думы, представитель партии КПРФ.

³² Законопроект № 795722-8 О внесении изменений в статьи 9—1 и 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части запрета применения режима высылки и депортации в отношении иностранных граждан-соотечественников и участников специальной военной операции). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795722-8> (дата обращения: 02.03.2025).

Десекуритизирующие заявления делал и другой политик, внесший вклад в более широкий процесс секьюритизации миграции, Александр Хинштейн, утверждавший, в частности: «Никто из иностранцев-ветеранов СВО не будет депортирован из России», «Своих не бросаем — это не просто слова!»³³

Таким образом, наряду с секьюритизирующим дискурсом, таргетирующим иностранцев и натурализованных граждан как культурно чуждых, потенциально политически нелояльных и опасных, существует более локальный и менее заметный³⁴ десекуритизирующий дискурс, который выводит иностранных граждан, заключивших контракт на военную службу, за границы широкой группы «мигрантов», причисляя их к «своим».

Хотя законопроект о запрете депортации иностранцев, поступивших на службу по контракту, еще находится на рассмотрении, 30 декабря 2024 г. был выпущен Указ Президента РФ № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки», предусматривающий в том числе запрет на депортацию и реадмиссию иностранцев, заключивших контракты о прохождении военной службы в ВС РФ или иных воинских формированиях.

Подводя итог, можно заключить, что (де)секьюритизирующие дискурсы и перформативные высказывания первого порядка³⁵ разделяют мигрантов и лиц с миграционным бэкграундом на две категории по критерию (не)желания принимать участие в вооруженном конфликте с Украиной. «Новые граждане» и иностранцы, готовые участвовать в конфликте, маркируются как желательные и «свои». Для таких иностранцев и членов их семей вводятся упрощенные правила получения российского гражданства, устанавливается защита от депортации и реадмиссии. Напротив, лица с миграционным бэкграундом и иностранные граждане, не желающие участвовать в российско-украинском конфликте, таргетируются как нелояльные, подрывающие национальную безопасность страны и составляющие потенциальную «пятую колонну». Для иностранцев, принадлежащих к этой категории, миграционный режим ужесточается³⁶, а для «новых граждан» вводится дополнительное основание лишения российского гражданства — непостановка на воинский учет — с последующей высылкой в страну происхождения.

Можно также констатировать, что с началом российско-украинского вооруженного конфликта наблюдается перенос акцента с озабоченности рисками, предположительно создаваемыми миграционными процессами в социальном секторе, на угрозы, которые миграция гипотетически приносит в военный сектор, где объектом секьюритизации является государство.

³³ Александр Хинштейн // VK. URL: https://vk.com/wall709507615_120251 (дата обращения: 02.03.2025).

³⁴ Десекуритизирующие речевые акты были обнаружены в четырех из 73 исследованных постов, принадлежащих профессионалам политики.

³⁵ В данном случае указы, законы и законопроекты.

³⁶ Курс на ужесточение миграционной политики выразился, в частности, в принятии Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были установлены нормы о режиме высылки мигрантов и сокращены максимальные сроки временного пребывания иностранцев в России без визы.

Новые практики в отношении мигрантов и российско-украинский конфликт

С началом вооруженного конфликта с Украиной в отношении мигрантов возникли не только новые перформативные дискурсы, но и связанные с ними практики. За нормативно-правовыми актами об упрощенном получении гражданства для иностранцев, заключивших контракты на прохождение военной службы, и членов их семей последовали практики трех видов: 1) размещение информации о преимуществах, которые дает иностранным гражданам служба в ВС РФ или иных российских воинских формированиях, на сайтах органов государственной власти (прежде всего, на официальных порталах ГУ МВД России и сайтах муниципалитетов); 2) создание рекламных буклетов и видеороликов на родных языках выходцев из стран СНГ (чаще всего на таджикском, узбекском, киргизском и казахском³⁷); 3) проведение разъяснительной и агитационной работы среди иностранных граждан через представителей национально-культурных объединений, работодателей, а также в ходе специально организованных встреч с участием органов местного самоуправления, полиции и военкоматов.

Подобные практики осуществляются в Москве³⁸, Санкт-Петербурге³⁹, Магадане⁴⁰, Надыме⁴¹, Сургуте⁴², Республике Саха (Якутия)⁴³, Красноярском крае⁴⁴, Владимирской⁴⁵, Тульской⁴⁶ и Костромской областях⁴⁷, Республике Дагестан⁴⁸. Вероятно, данные практики распространены гораздо шире, однако информацию о них не всегда можно обнаружить в открытых источниках. Условия, предлагаемые контрактникам-иностранцам (размер выплат, перечень льгот), идентичны тем, кото-

³⁷ См., например, Служи по контракту в Вооруженных силах (буклет) // Дом дружбы народов Красноярского края «Родина». URL: <https://www.ddn24.ru/about/inostran/kontract/sluzibuklet> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁸ Более 70 общин и диаспор помогли с информированием о контрактной службе иностранцев в Москве // News. 2023. 20 декабря. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/303772575> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁹ Кудин Н. В Петербурге хотят набирать иностранцев-контрактников через диаспоры и крупный бизнес // Фонтанка.ру. 2023. 4 апреля. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/04/04/72192212/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁰ В Магадане полицейские провели встречу с иностранными гражданами и работодателями // УМВД по Магаданской области. 2023. 20 ноября. URL: <https://49.mvd.pf/news/item/44125304> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴¹ Сотрудники отдела миграции и военкомата Надыма разъяснили иностранным гражданам нормы российского законодательства // УМВД России по ЯНАО. 2024. 4 февраля. URL: <https://89.mvd.pf/news/item/47273550> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴² Рудион В. Как иностранцев привлекают на службу в российской армии // Сургутская трибуна. 2023. 23 апреля. URL: https://sribuna.ru/articles/society/kak_inostrantsev_privlekayut_na_sluzhbu_v_rossiyskoy_armii/ (дата обращения: 02.03.2025).

⁴³ В Якутии полицейские организовали встречу с руководителями национальных диаспор // МВД по РС(Я). 2024. 23 января. URL: <https://14.mvd.pf/news/item/60342592> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁴ Информация от УВМ ГУ МВД России по Красноярскому краю // ГУ МВД по Красноярскому краю. 2024. 14 октября. URL: <https://24.mvd.pf/ms3/внимание-информация-/item/56136350> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁵ Владимирские полицейские провели рабочую встречу с представителями национальных диаспор и общественных объединений // УМВД России по Владимирской области. 2023. 27 июня. URL: <https://33.mvd.pf/news/item/39471393> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁶ Из Киреевского района служить по контракту ушли трое иностранных граждан // Арсеньевские вести. 2023. 20 декабря. URL: <https://ars-news.ru/n582248.html> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁷ Новая Родина — новые перспективы // УМВД России по Костромской области. 2023. 21 июля. URL: <https://44.mvd.pf/news/item/40134164> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁸ В Дагестане 40 иностранцев подписали контракт с Минобороны РФ с начала года // Ватан. Родина. 2024. 3 сентября. URL: <https://gazetavatan.ru/2024/09/v-dagestane-40-inostrancev-podpisali-kontrakt-s-minoborony-rf-s-nachala-goda/> (дата обращения: 02.03.2025).

рые предлагаются россиянам. А норма об упрощенном получении российского гражданства подразумевает ускоренную натурализацию и перспективу полного уравнивания в правах с гражданами России.

Секьюритизирующие практики, связанные с дискурсами об уклонении лиц с миграционным бэкграундом от постановки на воинский учет и несения воинской обязанности, включают в себя по меньшей мере четыре разновидности: передачу информации о натурализованных гражданах в военкоматы⁴⁹, полицейские облавы, в ходе которых лица с миграционным бэкграундом проверяются на предмет постановки на воинский учет⁵⁰, лишение гражданства и выдворение в страну происхождения «новых граждан» за непостановку на воинский учет.

Сплошной анализ региональных сайтов МВД РФ с помощью запросов по ключевым словам «воинский учет», «военкомат», «военный комиссариат» позволяет оценить хронологию возникновения и ареал распространения вышеупомянутых облав и практик прекращения приобретенного гражданства.

Установлено, что облавы проводились не менее чем в 39 регионах России⁵¹. Начало данной практике, по-видимому, было положено профессионалами безопасности Челябинской области в конце июля 2023 г.: на официальном сайте ГУ МВД именно этого региона появилось первое релевантное сообщение, кроме того, по свидетельству К. Кабанова, первое рейдовое мероприятие, направленное не только на задержание лиц, нарушивших миграционное законодательство, но и на выявление «новых граждан», не вставших на воинский учет, было проведено 28 июля 2023 г. ЦПЭ ГУ МВД России по Челябинской области, совместно с УФСБ России по Челябинской области при силовой поддержке ОЧН «Гром»⁵². Следует отметить, что, выступив в качестве пионера облав на лиц с миграционным бэкграундом, ГУ МВД РФ по Челябинской области в настоящий момент, по-видимому, является флагманом по количеству проведения подобных мероприятий. На сайте размещено 46 сообщений о полицейских облавах, нацеленных в том числе на «новых граждан». Судя по указанным сообщениям, рейды проводятся регулярно. Согласно представленным данным, только за первые девять месяцев 2024 г. в результате облав на воинский учет было поставлено около полутора тысяч лиц с миграционным бэкграундом⁵³.

⁴⁹ См., например: В Управлении по вопросам миграции МВД по Республике Калмыкия состоялось рабочее совещание с представителями военного комиссариата Республики Калмыкия // МВД России по Республике Калмыкия. 2024. 1 августа. URL: <https://08.мвд.рф/news/item/53526151> (дата обращения: 02.03.2025); Итоги оперативно-служебной деятельности управления по вопросам миграции УМВД России по Тамбовской области и подразделений по вопросам миграции УОМВД России по муниципальным образованиям Тамбовской области за 1-й квартал 2023 года // УМВД России по Тамбовской области. 2023. 28 апреля. URL: <https://68.мвд.рф/news/item/37807589> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁰ В случае ее отсутствия «новым гражданам» выдают повестки или доставляют в военный комиссариат.

⁵¹ Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Чувашская республика, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край, Хабаровский край, Амурская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Ивановская область, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Курганская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Ульяновская область, Челябинская область, Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Крым, г. Севастополь.

⁵² Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1794> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵³ В Челябинской области продолжают массированные проверки соблюдения миграционного законодательства иностранцами // ГУ МВД России по Челябинской области. 2024. 22 сентября. URL: <https://74.мвд.рф/news/item/55337434> (дата обращения: 02.03.2025).

Достаточно высоким уровнем интенсивности размещения информации о полицейских рейдах, ориентированных также и на «новых граждан», отличаются ГУ МВД России по Ростовской области (29 сообщений за период с 20 декабря 2023 г. по 27 февраля 2025 г.⁵⁴), Красноярскому краю (18 сообщений за период с 18 сентября 2023 г. по 27 февраля 2025 г.), Санкт-Петербургу и Ленинградской области (11 сообщений за период с 7 сентября 2023 г. по 27 февраля 2025 г.), Саратовской области (10 сообщений за период с 4 декабря 2023 г. по 27 февраля 2025 г.).

О массовости облав свидетельствует заявление главы СК России А. Бастрыкина, согласно которому, уже к июню 2024 г. было выявлено около 30 тыс. «новых граждан», не исполнивших обязанность по постановке на воинский учет. Около трети из них, по словам А. Бастрыкина, впоследствии были направлены на фронт⁵⁵.

Видеоматериалы, размещенные на сайтах ГУ МВД России, а также отдельные упоминания стран происхождения лиц, в отношении которых были осуществлены проверки⁵⁶, позволяют сделать вывод, что полицейские облавы традиционно нацелены на «видимые меньшинства», в особенности на граждан, предположительно являющихся уроженцами стран Средней Азии и Закавказья. Кроме того, ряд видеоматериалов и официальных сообщений свидетельствует, что с иностранцами, задержанными в ходе облав за нарушения миграционного законодательства, проводится агитационная работа по заключению контракта с Минобороны РФ. Однако в отличие от мягких форм агитации, упоминавшихся выше, иностранные граждане, допустившие нарушения, нередко оказываются перед выбором: вступление в ряды Российской армии или высылка в страну происхождения⁵⁷.

Что касается практики лишения приобретенного российского гражданства за непостановку на воинский учет, то соответствующая информация обнаружена на 19 региональных сайтах ГУ МВД РФ⁵⁸. Согласно указанным данным, за период с декабря 2023 г. по 27 февраля 2025 г. за неисполнение обязанности по постановке на воинский учет приобретенного гражданства лишено по меньшей мере 53 человека.

Как и в случае с облавами, Челябинская область лидирует по количеству сообщений о прекращении гражданства на основании непостановки на воинский учет (пять сообщений, где говорится о лишении гражданства 12 лиц с миграционным бэкграундом). Интересно, что в отличие от подавляющего большинства других регионов здесь данная мера начала применяться еще до принятия за-

⁵⁴ Мониторинг сайтов МВД осуществлялся с 20 по 27 февраля 2025 г.

⁵⁵ Около 10 тыс. недавно ставших гражданами РФ иностранцев отправлены в зону СВО // Интерфакс. 2024. 27 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/968257> (дата обращения: 02.03.2025)

⁵⁶ В основном, речь идет о выходцах из Средней Азии и Закавказья. На видео в качестве проверяемых фигурируют лица, фенотипически отличающиеся от большинства российского населения.

⁵⁷ См., например: Царьград ТВ (телеграм-канал). URL: <https://t.me/tsargradtv/95165> (дата обращения: 02.03.2025); Незаконным мигрантам предлагают заключать контракты на СВО // Администрация городского округа Большой Камень. 2025. 15 февраля. URL: https://bkamen.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_4443.html (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁸ Сайты МВД России по Республике Мордовии; Красноярскому краю; Приморскому краю; Ставропольскому краю; Хабаровскому краю; Волгоградской области; Воронежской области; Кемеровской области; Курской области; Московской области; Нижегородской области; Ростовской области; Саратовской области; Сахалинской области; Тульской области; Ульяновской области; Челябинской области; Москве; Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

кона от 08.08.2024 № 281-ФЗ⁵⁹: два первых релевантных сообщения датируются 15 декабря 2023 г.⁶⁰ и 9 января 2024 г. Таким образом, секьюритизирующая практика лишения приобретенного гражданства за уклонение от постановки на воинский учет опередила соответствующий секьюритизирующий перформатив первого порядка.

Что касается участников описанных практик, то подавляющее большинство из них составляют профессионалы безопасности: сотрудники МВД РФ, ФСБ РФ, Росгвардии, СК РФ, работники военных комиссариатов и др. Важную роль в мероприятиях по прекращению приобретенного гражданства ожидаемо играют суды.

Подытоживая, можно заключить, что новые практики в отношении мигрантов и лиц с миграционным бэкграундом тесно связаны с соответствующими дискурсами, иногда следуя за ними, а иногда предшествуя им. Как и дискурсы, практики делят мигрантов и «новых граждан» на две группы: потенциально готовых добровольно принять участие в вооруженном конфликте с Украиной в составе российских воинских формирований, и неготовых к этому. На первую группу нацелены разнообразные агитационные мероприятия, аналогичные тем, что ориентированы на россиян. Условия, на которых иностранцам предлагается заключить контракт на военную службу, фактически не отличаются от условий, предлагаемых гражданам РФ, а опция ускоренного получения гражданства предполагает возможность быстрой инкорпорации и выравнивания в правах этой категории иностранных граждан с россиянами.

Для второй группы мигрантов и «новых граждан» предназначены секьюритизирующие практики, включающие облавы, принудительную доставку в полицейские участки и военные комиссариаты, прекращение приобретенного гражданства и/или высылку из страны в случае отказа от исполнения воинской обязанности или подписания контракта. Подавляющее большинство исполнителей данных мероприятий принадлежит к категории профессионалов безопасности.

Указанные практики, как и секьюритизирующие дискурсы, благодаря своей заметности (облавы и проверки документов россияне имеют возможность наблюдать непосредственно, кроме того, обо всех видах секьюритизирующих практик активно сообщается в СМИ), маркируют иностранцев и лиц с миграционным фоном как опасных и политически нелояльных.

Выводы

С началом российско-украинского вооруженного конфликта представления о желательных и нежелательных мигрантах подверглись важным трансформациям. Если ранее границы пролегли преимущественно по линии этнокультурной

⁵⁹ Теоретически такая возможность существовала и до принятия указанного НПА, однако ранее, как правило, не использовалась.

⁶⁰ Еще один инцидент с прекращением приобретенного гражданства до принятия упомянутого закона произошел в Москве 28 декабря 2023 г. Однако в данном случае соответствующее решение было принято после того, как натурализованный гражданин, будучи доставлен в военкомат для постановки на учет, впоследствии «не явился по повестке к месту отправки для дальнейшего прохождения военной службы в указанную дату», то есть речь фактически шла не только о непостановке на воинский учет, но и об уклонении от воинской обязанности. См.: Столичные полицейские вынесли новые решения о прекращении гражданства РФ // ГУ МВД России по г. Москве. 2023. 28 декабря. URL: <https://77.мвд.рф/news/item/45515799> (дата обращения: 02.03.2025).

близости или квалификации иностранцев (этнически и конфессионально близкие к большинству российского населения — желательные, другие — нежелательные; высококвалифицированные — желательные, низкоквалифицированные — нет), то теперь принципиальное различие делается между теми, кто готов участвовать в конфликте с Украиной в рядах российских воинских формирований, и теми, кто к этому не готов. В отношении первых устанавливается максимально благоприятный миграционный режим: вводятся нормы об упрощенном получении гражданства, запрет на высылку и депортацию. В отношении вторых, напротив, ужесточаются меры регулирования вплоть до лишения приобретенного гражданства за непостановку на воинский учет.

Секьюритизирующие дискурсы при этом существенно изменились: помимо традиционных обвинений мигрантов в том, что они не желают следовать нормам, существующим в принимающем обществе, составляют нежелательную конкуренцию местному населению, грозят вытеснить его, установив собственные правила игры, распространяются тезисы, согласно которым иностранцы и лица с миграционным бэкграундом являются уклонистами и представляют угрозу национальной безопасности страны. Инициированный профессионалами безопасности обновленный секьюритизирующий дискурс был поддержан игроками политического поля и в настоящий момент разделяется представителями подавляющего большинства российских парламентских партий (КПРФ, ЛДПР и СР). При этом секьюритизирующие субъекты предприняли целенаправленные шаги по десекуритизации иностранцев, поступивших на военную службу и отправившихся на фронт.

Изменения претерпели и секьюритизирующие практики: если до вооруженного конфликта с Украиной межведомственный обмен информацией, полицейские облавы и проверки были нацелены на иностранцев, нарушивших миграционный режим, то теперь в фокусе внимания профессионалов безопасности оказались также лица с миграционным бэкграундом, не вставшие на воинский учет. Задержанные нарушители обеих категорий зачастую ставятся перед выбором: пополнить вооруженные силы России или отправиться в страну происхождения. При этом рейдовые и проверочные мероприятия по-прежнему сконцентрированы на «видимых меньшинствах», в особенности на выходцах из Средней Азии и Закавказья.

В целом можно констатировать, что с началом российско-украинского вооруженного конфликта подозрительность в отношении иностранцев и лиц с миграционным бэкграундом значительно возросла, а секьюритизация миграции в настоящее время происходит сразу в двух секторах: социальном, где референтный объект — коллективная идентичность, и военном, где референтным объектом выступает государство.

Список литературы (References)

1. Аршин К. В. Диалектика секьюритизации и либерализации в миграционной политике России // *Власть*. 2019. Т. 27. № 2. С. 38—42.
Arshin K. V. (2019) *Dialectics of Securitization and Liberalization in the Migration Policy of Russia*. *The Authority*. Vol. 27. No. 2. P. 38—42. (In Russ.)

2. Григорьева К. С. Государственная политика и межэтническая напряженность // Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 197—240.
Grigorieva K. S. (2017) State Policy and Interethnic Tension. In: Epikhina Yu., Chernysh M. (eds) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 197—240. (In Russ.)
3. Григорьева К. С. Этническая дискриминация в борьбе с преступностью и терроризмом — вопрос здравого смысла? // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 107—139. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-1-107-139>.
Grigoreva K. S. (2019) Is Ethnic Discrimination a Matter of Common Sense in the Fight against Crime and Terrorism? *The Russian Sociological Review*. Vol. 18. No. 1. P. 107—139. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-1-107-139>. (In Russ.)
4. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя, 2011.
Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. (eds.) (2011) *The Police and Ethnic Migrants: Interaction Practices*. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
5. Мукомель В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
Mukomel V. I. (2005) *Migration Policy of Russia: Post-Soviet Contexts*. Moscow: Dipol- T. (In Russ.)
6. Питухина М. А. К вопросу о секьюритизации миграции в России // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 2. С. 276—282.
Pitukhina M. A. (2014) On the Issue of Migration Securitization in Russia. *National Security / Nota Bene*. No. 2. P. 276—282. (In Russ.)
7. Смирнов А. А. Секьюритизация миграции в Российской Федерации // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2015. № 12. С. 145—148.
Smirnov A. A. (2015) Migration Securitization in the Russian Federation. *Current Issues of Innovative Economy*. No. 12. P. 145—148. (In Russ.)
8. Фролов А. А. Секьюритизация миграции: постановка проблемы // Актуальные проблемы российской правовой политики. Сборник докладов XVII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. 15 апреля 2016 г. / отв. ред.: С. Ю. Аваков, Н. Ф. Купчинов. Таганрог: Издательство Таганрогского института управления и экономики, 2016. С. 28—31.
Frolov A. A. (2016) Migration Securitization: The Problem Statement. In: Avakov S. Yu., Kupchinov N. F. (eds.) *Current Issues in Russian Legal Policy. Proceedings of the 17th Scientific and Practical Conference of Teachers, Students, Postgraduate Students, and Young Scientists*. April 15, 2016. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics. P. 28—31. (In Russ.)
9. Austin J. L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.

10. Balzacq T. (2005) The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*. Vol. 11. No. 2. P. 171—201. <https://doi.org/10.1177/1354066105052960>.
11. Bigo D., McCluskey E. (2018) What Is a PARIS Approach to (In)securitization? Political Anthropological Research for International Sociology. In: Gheciu A., Wohlforth W. C. (eds) *The Oxford Handbook of International Security Online*. Oxford: Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780198777854.001.0001/oxfordhb-9780198777854-e-9> (дата обращения: 02.03.2025).
12. Bourbeau P. (2014) Moving forward Together: Logics of the Securitisation Process. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 43. No. 1. P. 187—206. <https://doi.org/10.1177/0305829814541504>.
13. Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
14. Buzan B., Wæver O., De Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Reiner.
15. Chudinovskikh O., Kharaeva O. (2020) Migration Policy towards Skilled Labor in the Russian Federation. *BRICS Journal of Economics*. Vol. 1. No. 2. P. 80—102. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-11>.
16. Côté A. (2016) Agents without Agency: Assessing the Role of the Audience in Securitization Theory. *Security Dialogue*. Vol. 47. No. 6. P. 541—558. <https://doi.org/10.1177/0967010616672150>.
17. Huysmans J. (2000) The European Union and the Securitization of Migration. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 38. No. 5. P. 751—777. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00263>.
18. Karyotis G. (2007) European Migration Policy in the Aftermath of September 11. The Security-Migration Nexus. Innovation. *The European Journal of Social Science Research*. Vol. 20. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.1080/13511610701197783>.
19. Light M. (2017) Zwischen Liberalisierung und Restriktion: Entwicklungen der russischen Migrationspolitik. *Russland—Analysen*. Vol. 33. P. 2—8. <https://doi.org/10.31205/RA.331.01>.
20. McDonald M. (2008) Securitization and the Construction of Security. *European Journal of International Relations*. Vol. 14. No. 4. P. 563—587. <https://doi.org/10.1177/1354066108097553>.
21. Roe P. (2008) Actor, Audience(s) and Emergency Measures: Securitization and the UK's Decision to Invade Iraq. *Security Dialogue*. Vol. 39. No. 6. P. 615—635. <https://doi.org/10.1177/0967010608098212>.
22. Rudolph C. (2003) Security and the Political Economy of International Migration. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 4. P. 603—620. <https://doi.org/10.1017/S000305540300090X>.

23. Stritzel H. (2007) Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 3. P. 357—383. <https://doi.org/10.1177/1354066107080128>.
24. Trombetta M. J. (2014) Linking Climate-Induced Migration and Security within the EU: Insights from the Securitization Debate. *Critical Studies on Security*. Vol. 2. No. 2. P. 131—147. <https://doi.org/10.1080/21624887.2014.923699>.